

© 1992 г. ГУРОВ Н.В., ЗОГРАФ Г.А.

АРЕАЛЬНОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ: ПРЕДМЕТ И МЕТОД (НА МАТЕРИАЛЕ ЯЗЫКОВ ЮЖНОЙ АЗИИ)

Если просмотреть, даже бегло, работы современных лингвистов, в которых используются термины «ареальное языкознание» и «языковой ареал», легко убедиться, что им, как, впрочем, и многим другим исследовательским понятиям современной языковедческой науки, в трудах разных авторов придаются мало в чем сходные между собой, подчас совершенно различные значения. В подтверждение этого достаточно обратиться к относительно недавней коллективной теоретической работе, освещающей методы лингвистических исследований, где один из авторов (Б.А. Серебренников) вообще отказывается от термина «ареальная лингвистика» (ввиду его «недостаточной определенности») в пользу термина «лингвистическая география» [1, с. 120—121], тогда как другой (В.А. Виноградов), напротив, выделяет ареальное сравнение (сопоставление) как исследовательский метод, соизмеримый с компаративистикой (генетическим сравнением) и [общей] типологией и встающий в один ряд с ними [1, с. 224—235].

Мы, как это будет ясно из нижеследующего, склонны солидаризоваться с последним. Убедительное подтверждение такого подхода (ср., кстати, предлагаемые Б.А. Успенским три возможных объяснения языкового сходства — генетическое, ареальное и типологическое [2, с. 13]) дает картина, наблюдаемая на обширном и в то же время четко очерченном пространстве Южной Азии (традиционно — Индия в широком смысле), демонстрирующем большое языковое разнообразие и подвергнутому пристальному изучению под интересующим нас углом зрения в последние десятилетия. Толчком к этому послужила известная статья М.Б. Эмено «Индия как языковой ареал». Ареал в ней определяется как область, в которой распространены «языки, принадлежащие к различным языковым семьям, но обнаруживающие общие черты, несвойственные другим членам по крайней мере одной из этих семей» [3, с. 16]; ср. также [4, с. 92].

К этому определению требуются некоторые пояснения и уточнения. Во-первых, термин «семья» не должен пониматься в строго классификационном смысле: это может быть и меньшее — с точки зрения таксономической иерархии — объединение родственных языков типа «ветви», «группы» и т.п.¹ Во-вторых, как показывают работы самого Эмено и других исследователей, обращавшихся к данной проблеме, черты общности между территориально соприкасающимися языками могут (и должны) обнаруживаться на разных уровнях — от фонетического до синтаксического и лексического. Следовательно, эти языковые контакты должны носить долговременный характер, и носителей таких языков помимо территориального соседства должна связывать определенная культурно-историческая близость.

Нетрудно видеть, что такое определение ареала существенно расходится

¹Это уточнение содержится в монографии К. Масики [5, с. 4]. В частности, в Южной Азии, помимо прочих, выделяются языки, представляющие три группы одной и той же индоевропейской семьи: индоарийские, нуристанские и иранские. В то же время гетерогенность контактирующих языков — хотя бы с точки зрения этнического самосознания их носителей — является непрямым условием.

с тем, которое встречается в работах по лингвистической географии и возникшей на ее базе «ареалогии», где ареал может быть выделен по какому-либо одному признаку или ряду признаков одного языкового уровня [6, 7]. Изучение взаимодействия различных, иногда весьма далеких друг от друга по своим типологическим характеристикам языков требует совершенно иной методологической основы. Конечно, возможность использования в ареальных исследованиях методов лингвистической географии при этом отнюдь не исключается, в частности — для выделения отдельных микроареалов и картографирования тех или иных явлений.

Итак, сформулированное здесь определение ареала предлагает рассматривать ареальное языкознание как одно из трех основных современных направлений исследования языкового континуума — наряду со сравнительно-историческим языкознанием и общей типологией, ср. [8]. От двух последних направлений ареальное языкознание отличается прежде всего способом отбора объектов по параметрам родства и контакта. Если сравнительно-историческое языкознание изучает родственные языки независимо от их географического распространения и обусловленного этим контакта, то ареальное, напротив, учитывает географическую близость языков независимо от их родства, тогда как для типологического, занимающегося проблемами изоморфизма языковых структур, не существенно ни то, ни другое. Названные три направления различаются также и перспективой исследуемых процессов: в отличие от компаративистики ареальное языкознание опирается в своих выводах не на дивергенцию языков, возводимых к единому источнику, а на конвергенцию языков, восходящих к разным источникам. Для типологических исследований вопрос исторического соотнесения фактов не играет определяющей роли, хотя хронологическая аранжировка (например, для исторической типологии) отнюдь не исключается.

Ареальное языкознание порой отождествляется с теорией «языковых союзов». Такое отождествление может быть принято лишь с существенными оговорками. Прежде всего термин «языковой союз» страдает многозначностью: он прилагается как к одноуровневым «союзам» (вроде предложенного в 1931 г. Р.О. Якобсоном «евразийского» [9, с. 137—143, 234—246]), которые по существу оказываются тождественны «типологическим, или структурным, зонам» [10, с. 112—113; 5, с. 12] и в силу этого должны рассматриваться в рамках общей, а не ареальной типологии, так и к действительно ареальным совокупностям языков типа Балканского, Кавказского, Центральноазиатского и других подобных языковых союзов. Вместе с тем в самой концепции «языкового союза», обоснованной в 1928 г. Н.С. Трубецким [11], можно отметить некоторую онтологическую нечеткость: признавая, что языки даже в условиях контактирования не всегда образуют языковой союз [10, с. 110], сторонники этой теории оставляют без ответа вопрос о том, какая именно степень структурной близости языков дает основания говорить об образовании ими союза². Фиксируя некое, не вполне четко определенное, состояние языковых контактов, концепция «языкового союза» оказывается статичной, лишенной хронологической перспективы и не показывающей динамики развития межъязыковых связей. Противоречивость концепции может быть в какой-то степени снята, если признать, что «ареал» является в основе своей не исключительно лингвистическим, а культурно-историческим (точнее, этнокультурным) понятием, четко локализованным не только в пространстве, но и во времени³. Задачей ареального языкознания в таком случае становится

² Попытка некоторых балканистов (Х.В. Шаллер) найти какие-либо формальные признаки для определения языкового союза оказалась неудачной, см. [12, с. 8].

³ Именно так понимается термин «языковой ареал» в работах М.Б. Эмено, Ф.Б.И. Кейпера [13] и других лингвистов-индологов, хотя сам Эмено в своей статье 1956 г. [3] считал этот термин синонимичным немецкому «Sprachbund». Этот же смысл улавливается в использовании термина «Sprachbund» в монографии Г. Фермеера [14].

типологическое изучение любых форм и стадий языковых контактов, имевших место на территории данного ареала с момента его возникновения⁴.

Из сказанного явствует, что ареальное языкознание непосредственно связано с теорией языковых контактов (см. в первую очередь работы У. Вайнрайха [15], Э. Хаугена [16], В.Ю. Розенцвейга [17] и др.). Та и другая дисциплины изучают, на первый взгляд, один и тот же круг вопросов: контакты двух или более языков, приводящие к интерференции языковых систем на разных уровнях — фонологическом, морфологическом, синтаксическом, лексическом. Для ареальных штудий существенно важным является содержащееся в работах некоторых исследователей языковых контактов положение о возможности — наряду с «прямой» интерференцией — интерференции «косвенной», заключающейся в том, что влияние одного языка стимулирует развитие некоторых процессов и закономерностей, уже потенциально намечавшихся в другом языке⁵.

Вместе с тем нельзя не указать на ряд особенностей, отличающих ареальное языкознание (АЯ) от теории контактов (ТК) — как в дефиниции объекта, так и в методике его описания:

(1) для АЯ существенна генетическая неоднородность (или отдаленность) контактирующих языков; для ТК этот момент безразличен;

(2) ТК изучает в первую очередь контакты, приводящие к состоянию дву- (или много-)язычия («билингвизм», «диглоссия»); АЯ интересуется не только и не столько актуально существующим двуязычием, сколько интерференцией языковых систем, возникшей, в частности, и как результат двуязычия, возможно имевшего место в прошлом;

(3) отсюда вытекает, что ТК исследует языки в чисто синхронном плане, тогда как для АЯ необходимо строгое разграничение синхронии и диахронии и раздельный анализ данных той и другой (включая материалы сравнительно-исторической и внутренней реконструкции);

(4) соответственно, для ТК «вектор интерференции» всегда однонаправлен (язык А изменяется под влиянием языка В), а языки, вступающие в контакт («язык-донатор» и «язык-реципиент»), неравноправны; АЯ, напротив, имеет дело обычно с двусторонним (или многосторонним) взаимовлиянием языков (в том числе субстратного, суперстратного, адстратного и т.п. типов);

(5) при анализе типов контактов для АЯ, в отличие от ТК, важен не чисто социальный, а культурно-социальный статус рассматриваемых языков, что особенно ярко выступает при обращении к диахронии.

Все вышесказанное никоим образом не отрицает принципиальной близости ареального языкознания и теории контактов, так что выработанные в рамках последней приемы анализа и описания интерференции на разных уровнях (например, разработанная У. Вайнрайхом схема описания интерференции фонологических систем с учетом «сверх-» и «недодифференциации» фонем и т.п. [15, с. 198—209]) несомненно должны быть использованы в ареальных штудиях — в той мере, в какой они могут способствовать раскрытию механизма образования и функционирования ареала.

Необходимость сочетания в ареальных исследованиях методов сравнительно-исторического и типологического языкознания с методами теории контактов (а также социолингвистики и лингвистической географии) диктуется самой спецификой процесса сложения и развития языкового ареала. С диахронической

⁴Подобная точка зрения в балканистике высказывалась еще в конце 30-х годов и привела к острой полемике по поводу терминов «балканские языки» и «языки Балканского полуострова» (см. [12, с. 6, 8]). По мнению самой А.В. Десницкой, противопоставление этих терминов является в настоящий момент «нецелесообразным и нежелательным» [12, с. 12].

⁵О «косвенной интерференции» см. [17, с. 25], ср. также [18]. Понятие «косвенной интерференции» не следует смешивать с «параллельным развитием» языков, о котором говорится в работах Р.О. Якобсона.

точки зрения история каждого языкового ареала может быть представлена как последовательная смена «ареальных ситуаций» ($AS_1 \rightarrow AS_2 \rightarrow AS_3 \rightarrow \dots \rightarrow AS_n$), каждая из которых отличается от предыдущей изменением состава ареала и его структуры. Состав ареала может меняться за счет исчезновения некоторых его составляющих (диалектов, языков, языковых групп), сохраняющихся лишь в качестве субстрата; расчленения отдельных составляющих на несколько самостоятельных единиц (диалектов, языков); появления новых составляющих извне; смены направления векторов интерференции в связи с изменением функционального статуса отдельных составляющих и т.д.⁶ Изменение структуры ареала выражается в географическом смещении его центра (зоны особенно интенсивных и многосторонних контактов), в ослаблении или, напротив, интенсификации контактов, приводящих иногда к разделению ареала на несколько субареальных зон или даже самостоятельных ареалов, и т.п. Следует иметь в виду, что при смене ареальных ситуаций хронологически более ранние не исчезают полностью, но, напротив, сохраняются в последующие периоды в виде групп изоглосс, распространенных по всему ареалу или объединяющих отдельные его составляющие. Хронологическая неоднородность ареальных схождений, необходимость строгого разграничения — совершенно так же, как при реконструкции праязыковых состояний в компаративистике — явлений, относящихся к различным временным пластам, является одним из главных факторов, требующих от ареальной лингвистики комплексного подхода к объекту исследования.

Южноазиатский (Индийский) субконтинент, давший неопенимый материал для сравнительно-исторического языкознания и в настоящее время активно исследуемый в типологическом плане (см. об этом, например [20—23]), для развития ареальной лингвистики представляет ничуть не меньшую ценность, чем классические языковые ареалы типа балканского или кавказского. Более того, есть основания полагать, что при надлежащем развитии ареальных исследований этот ареал может послужить своего рода моделью для проведения аналогичных изысканий в других регионах.

Этому способствует прежде всего наличие здесь давней письменной традиции, сохранившей для нас обширный корпус разноязычных текстов и позволяющей проследить историю индоарийских языков примерно с XIII—XII вв. до н.э. (время создания первых памятников ведической литературы), дравидийских языков — по крайней мере со времени появления памятников древнетамильской литературы и эпиграфики (II—I вв. до н.э.), дардских языков (кашмири) приблизительно с XIV—XV вв.

Во-вторых, мы можем опереться здесь на значительное многообразие (более двухсот) языков, относящихся к четырем семьям — индоевропейской (индоарийские, нуристанские, иранские), дравидийской, аустроазиатской (мунда, кхаси) и сино-тибетской, не считая языков-изолатов (бурушаски, нахали и распространенного в Центральном Непале языка кусунда). В этом отношении ситуация в Южноазиатском ареале выгодно отличается, скажем, от ситуации на Балканах, где в настоящее время представлены преимущественно индоевропейские языки.

Существенно важным является и то обстоятельство, что некоторые из входящих в состав данного ареала языковых групп генетически связаны с языками, находящимися за его пределами. Сопоставление материала «индийских» языков с материалом родственных языков экстраареального распространения, а с другой

⁶В культурно-историческом плане смена ареальных ситуаций объясняется как различными видами миграций (внутриареального и экстраареального типа), так и изменениями в социально-культурном статусе того или иного этноса. Классический пример такой смены «ареальных ситуаций» дает лингвистическая история Европы, начиная с реконструированной Х. Краз для II тыс. до н.э. «древне-европейской общности» (с последующим ее разделением на языковые зоны — пракельтскую, праиллирийскую, прагерманскую и т.п., см. [19]) и кончая периодом формирования ныне существующих европейских языков.

стороны — с данными таких генетически неопределенных языков Южной Азии, как, например, дравидийские или бурушаски, — позволяет (точнее, нежели в ареалах типа кавказского и, тем более, в различных языковых областях Африки и Америки) определить характерную для этой области степень структурной интерференции и отделить феномены ареального сродства от явлений типологического изоморфизма. Для изучения исторического развития ареала представляется весьма перспективным поиск возможных родственных связей для языков и языковых групп, генетическая принадлежность которых донныне не установлена. Особого внимания в этой связи заслуживает генетическое соотнесение языков-изолятов как реликтов древнейших языковых пластов, составляющих ареал [24, 25].

Базой для ареальных исследований могут служить, помимо многочисленных работ по конкретным языкам, капитальные труды сравнительно-исторического и типологического характера, выполненные за последние три десятилетия и охватывающие индоарийские [26—28], дардские и нуристанские [29] и дравидийские [30] языки, а также — в меньшей степени — языки мунда [31, 32]. Гораздо менее изучены в ареальном плане сино-тибетские языки Южной Азии (например, так называемые «проминализованные гималайские»). С точки зрения ареальной типологии субконтинента это, конечно, существенный недостаток, сглаживаемый отчасти тем, что конвергентное воздействие сино-тибетских языков на другие языки ареала сказывается, по-видимому, лишь на его периферии.

Отдельные черты структурного и материального сходства генетически разнородных языков Индийского субконтинента отмечались еще в прошлом веке, главным образом — в работах по сравнительно-исторической грамматике индоарийских и дравидийских языков. Сводка данных на этот счет содержится в подготовленном в начале столетия Дж.А. Гриссоном и Стеном Коновым многотомном «Описании языков Индии» [33]. В дальнейшем новые сведения по ареальной типологии Южной Азии приводились в работах Ж. Блока [26], Т. Барроу [34], С.К. Чаттерджи [35] и др. Подлинным толчком к развитию южноазиатского ареального языкознания послужила, однако, уже упоминавшаяся статья М.Б. Эмено [3]. В дальнейшем совершенствованию лингвистических штудий в этом направлении способствовали среди прочих работ последующие статьи того же автора [4], принципиально важная статья Ф.Б.Й. Кейпера, посвященная генезису языкового ареала [13], статьи М. Апте, Ф. Саусворса, П.Э. Хука и др. В советской индологии общие и частные проблемы ареального характера обсуждались в работах М.С. Андропова, Г.Я. Елизаренковой, В.Н. Топорова, Д.И. Эдельман, Б.А. Захарьина и др. Обобщающий характер носят две монографии — Х. Фермеера [14] и К.П. Масики [5], суммирующие полученные в предыдущих исследованиях данные и лучше всего отражающие направление и состояние исследования Южноазиатского ареала на данном этапе.

Индологи, разрабатывавшие до сих пор проблемы ареального языкознания, ставили себе целью прежде всего доказать само существование Индийского языкового ареала и более или менее четко определить его границы (ср. характерное замечание К. Масики: «На вопрос, где проходит типологическая граница Индии, нельзя ответить автоматически» [5, с. 9]). Поставленная таким образом задача, которая в настоящий момент выглядит в общем решенной, во многом определила выбор исследуемого материала и характер его представления и описания. Так, несмотря на то, что все предыдущие исследователи стремились отыскать точки ареальных схождения на разных уровнях привлекаемых языков и в силу этого обращались и к фонологии, и к морфологии, и к синтаксису, и к лексике, ни на одном из этих уровней им не удалось до сих пор провести тотального обследования, дающего четкую картину межъязыковых связей.

В области фонологии основное внимание обращается на сопоставление фонемного инвентаря (чаще всего указывается на наличие почти во всех языках субконтинента класса ретрофлексных согласных), а не на общие закономерности

парадигматической и синтагматической структуры фонологических систем (ср., однако [36]). В частности, при том что об ареальных лексических заимствованиях в разнородных языках писалось очень много, не было предпринято попытки определить на этом основании систему фонологических соответствий между языками-донаторами и языками-реципиентами (например, между индоарийскими на разных этапах их развития и дравидийскими) хотя бы на основе разработанной Э. Хаугеном «диафонии» или предложенных У. Вайнрайхом правил фонетической интерференции.

В области морфологии в центре внимания исследователей оказываются либо материальные соответствия формантов гетерогенных языков (естественно, как правило, случайные, фрагментарные и в силу этого лишенные диагностической значимости — вроде совпадения дравидийских показателей дат. падежа *-ku/-ki* и послелога *ko* в хинди, форманта *-ki* в ория), либо отдельные структурные изоглоссы, взятые вне категориального контекста, или же, наконец, самые общие признаки, существенные при первичном обследовании ареала, но нуждающиеся в дальнейшей конкретизации и системном обосновании (нехарактерность префиксации для основных языков ареала, однотипность падежных показателей для парадигм разных чисел, морфологические формы каузатива и т.п.). Столь же выборочными и внесистемными представляются многие ареальные сопоставления и в области синтаксиса.

Не вполне последовательно с точки зрения принятого определения ареала производилась и суммарная оценка полученных данных. Стремясь определить ареальную специфику индийских языков как можно точнее, К. Масика, Х. Фермеер и другие исследователи обращают внимание в первую очередь на те явления, которые присущи подавляющей массе языков Индийского субконтинента и при этом не находят отражения в соседствующих языках. Так, К. Масика из 27 предлагавшихся до него «ареальных» признаков безоговорочно принимает лишь четыре изоглоссы (ретрофлексные согласные, «слова-эхо», выделительные и прочие энклитические частицы, субъектные конструкции с дательным падежом), которые он счел возможным назвать характерными для исследуемого ареала в целом [5, с. 187—190]. Столь строгий отбор нельзя признать методологически неоспоримым. Даже если согласиться с тем, что какие-то лингвистические феномены вообще уникальны, сам по себе факт выхода той или иной изоглоссы за ареальные границы не дает оснований исключать ее из числа ареальных признаков, поскольку ареал — и в лингвистической географии, и в практике исследования языковых союзов — всегда определяется как «пучок изоглосс», т.е. как комбинация определенных сходных черт. Значительно обедняет действительную картину и часто наблюдаемое стремление исследователей учитывать лишь «непрерывные» изоглоссы. Предложенное выше определение ареала как этнокультурного — в основе своей — понятия требует от исследователя комплексного изучения любых форм конвергенции языков на данной географической территории.

На современном этапе исследования основной задачей лингвистов, занимающихся языками Южной Азии в ареальном плане, является, по нашему мнению, переход от эмпирических наблюдений к анализу взаимодействия языковых систем, т.е. от простой констатации соответствия отдельных элементов (или групп таковых) и структур к типологической интерпретации этих явлений. В области фонетики и фонологии на первый план выступают, таким образом, сопоставление фонологических систем, как в целом, так и в наиболее выразительных их участках, сравнительный анализ закономерностей комбинаторики фонем, изучение суперсегментных элементов (силовое ударение, тоны, интонационные контуры), а также структуры слога. Для такого рода исследований необходим большой экспериментальный и полевой материал, который в значительной части пока, к сожалению, отсутствует. Обращаясь к морфологическому уровню, следует, очевидно, основное внимание сконцентрировать не на поисках прямых материальных соответствий, а на выявлении сходных черт более общего плана —

структурных и категориальных, т.е. общих принципов как строения самих морфологических форм, так и способов организации словоформ в систему грамматически значимых противопоставлений.

В качестве одного из наиболее ярких примеров здесь можно взять систему словоизменения имени. Для выявления ареальных соотношенностей именного склонения существенным оказывается не само по себе наличие послелогов в языках индоарийских, дравидийских, мунда и бурушаски, а распределение послеложных показателей в совокупности с первичными падежными аффиксами по трем структурным ярусам, ведущее к образованию сложных аналитических или вторичных (и третичных) синтетических форм со строгой иерархией показателей. Ярусная структура именной парадигмы в новых индоарийских языках была подробно исследована одним из авторов этой статьи [27, с. 79—81]⁷. Аналогичная структура четко прослеживается и в других языках Южноазиатского ареала (нуристанских, дравидийских, некоторых тибето-бирманских и др., например невари, бурушаски, нахали). В отдельных языках, группах или семьях словоизменительные формы имени могут отличаться от новоиндоарийских по степени грамматикализации формантов («аффиксы»: «служебные слова»), по способу связи аффиксов с основой и между собой («агглютинация»: «фузия») или, наконец, по характеру распределения грамматических значений между формантами («флексия»: «агглютинация»), однако общий принцип — распределение формантов именного словоизменения внутри единой грамматической формы по нескольким равноуровневым группам — остается неизменным на всей или почти всей территории региона. Предложенная для новых индоарийских языков структурная модель словоизменительных форм имени [27, с. 117 и сл.] в ее усредненном по данным различных языков ареала варианте выглядит примерно так:

I II III
В + F' (Obl sg/pl) + P'/F'' + P''

где В — основа или корень, F' — первичное (флексивное) окончание (общекосвенного падежа ед. или мн. числа; иногда функционально соответствует генитиву), F'' — вторичное (агглютинативное) окончание, P' — первообразный («простой») послелог, P'' — вторичный («сложный») послелог; римские цифры обозначают ярусы. Ср., например:

хинди	<i>saheliy-</i>	<i>-ḍ</i>	<i>ke</i>	<i>sāth</i>	«с подружками»
синдхи	<i>q̄iha-</i>	<i>-ne</i>	<i>khā</i>	<i>poe</i>	«через [много] дней»
маратхи	<i>bhint-</i>	<i>-ī-</i>	<i>-lā</i>	<i>lāgun</i>	«у стены»
бенгали	<i>śikha-</i>		<i>-r</i>	<i>upare</i>	«на вершине»
кашмири	<i>cur'-</i>	<i>-aw</i>	<i>sāt-</i>	<i>-an</i>	«воровством»
тамилский	<i>āṭ-</i>	<i>-ru-</i>	<i>-[k]k[u]</i>	<i>appāl</i>	«за рекой»
телугу	<i>nū-</i>	<i>-ti-</i>	<i>-ki</i>	<i>mundu</i>	«перед колодцем»
парджи	<i>mer-</i>	<i>-t-</i>	<i>-o</i>	<i>kan</i>	«в дереве»
брахуи	<i>dā-</i>	<i>-ṛ-</i>	<i>-ān</i>	<i>bār</i>	«подобно ему»
невари	<i>che-</i>		<i>-ya</i>	<i>pakhe</i>	«к дому»
бурушаски	<i>gus-</i>		<i>-mi</i>	<i>ka</i>	«с женщиной».

В аустроазиатских языках ареала господствует иной тип словоизменительной модели имени, поскольку в них эксплицитно выраженная форма общекосвенного падежа, как правило, отсутствует, а показатели субъектно-объектных отношений либо включены в состав глагольных форм, либо присоединяются к именным формам в качестве энклитик. Однако и здесь, в группе мунда, в целом ряде языков (кхариа, корку, савара/сора, некоторых диалектах сантальского) отмечается тенденция образования отдельных форм «падежей» путем комбинации соответству-

⁷ Недавно эта идея была активно использована К.П. Масикой в его обстоятельном описании строя индоарийских языков [28, с. 237—249, 472].

ющих послелогов и присоединения их не непосредственно к именной основе, как это обычно имеет место, а к основе, снабженной адъективирующим («генитивным») формантом. Ср., например:

кхариа	<i>lebu-</i>	<i>-a-(Gen)</i>	<i>-te-(Loc)</i>	<i>-i-(Abl)</i>	«от мужчины»
корку	<i>kōn-</i>	<i>-a-(Gen)</i>	<i>-ten/-tan(Abl)</i>		«от сына»
сора	<i>qumbā-</i>	<i>-nā-(Gen)</i>	<i>-mañ(P'')</i>		«перед танцором»
сант.	<i>iñ-</i>	<i>-ak'-(Gen)</i>	<i>-mātrāñ-(P')</i>	<i>-re(Loc)</i>	«передо мной»
бирхор	<i>dīn-</i>	<i>-rī-(Loc)</i>	<i>-ic'(Pos)</i>		«[сколько] дней».

Таким образом, «ярусная» структура словоизменительных форм имени может быть с полным основанием причислена к группе характерных признаков, маркирующих языки Южноазиатского ареала. В ходе дальнейших исследований предстоит установить, является ли этот феномен результатом одностороннего влияния какой-либо одной группы языков на остальные (типа субстратного или адстратного воздействия) или же его следует рассматривать как пример конвергентного взаимосближения контактирующих языков.

Подобной структурной унификации сопутствует и категориальная, тенденцию каковой можно усмотреть в сближении граммемного состава именной парадигмы разных языков ареала. Одним из наиболее ярких примеров может служить образование общекосвенного падежа в новых индоарийских языках, истоки которого наблюдаются уже в текстах апабхрانشа (кон. I — нач. II тыс. н.э.), — его традиционно объясняют воздействием неарийского (дравидийского) субстрата [26, с. 322—327; 35, с. 31—65 и др.]. В качестве примеров обратного влияния, — со стороны индоарийских языков на другие языки субконтинента, — называют обычно слияние граммем дательного и винительного падежей в дравидийских языках Центральной Индии, таких как найки (Чанда), гонди (Адилабад), конда, пенго, манда, а также в брахуи и, частично, в курух и малто; объединение инструментального и отложительного падежей — по аналогии с индоарийскими (ср. марв. ⁸ *ṣi*, х. *se* и др.) — в языках пенго, конда и куи; выделение в системе склонения некоторых языков мунда (курку, мундари), граммемы направительного падежа и т.п.

Безусловно признавая в данном случае факт морфологической интерференции между арийскими и неарийскими языками, мы не можем, однако, не задаваться вопросом: как проходила эта интерференция — прямо или косвенно, когда она могла иметь место и с какими формами языковых контактов она могла быть связана? Нельзя не учитывать, например, того, что функциональное смешение дательного и винительного падежей спорадически наблюдается не только в перечисленных выше дравидийских языках, но и в старотамильском — в текстах периода Сангам (*Kuṟuntokai*, *Puraṇānuru*), созданных примерно в I—II вв. н.э., т.е. значительно раньше предполагаемого периода возникновения этого феномена в индоарийских языках [37, с. 259, 265]. Недостаточно четкое разграничение граммем инструментального, отложительного и социативного падежей, судя по всему, имманентно присуще дравидийской системе словоизменения имени. Оно наблюдается, в частности, помимо названных выше «гондванских» языков, в относящемся к южнодравидийской группе языке каннада и близком к нему бадага, причем в каннада уже с самых ранних текстов (V—VIII вв.). Все это говорит о том, что ареальная конвергенция не может быть сведена к некоему единовременному акту влияния одного языка на другой, а представляет собой долгий и сложный процесс, определяющийся взаимодействием целого ряда факторов,

⁸Здесь и далее использованы следующие сокращения названий языков: ассам. — ассамский, бенг. — бенгальский, гудж. — гуджарати, кан. — каннада, мар. — маратхи, марв. — марвари, мунд. — мундари, пандж. — панджаби, сант. — сантальский, там. — тамильский, тел. — телугу, х. — хинди.

внешних и внутренних. Комплексное — синхроническое и диахроническое — исследование именной парадигмы языков Индийского субконтинента поможет установить основные этапы этого процесса и его развитие в отдельных районах и областях ареала. Особого внимания в этой связи заслуживают как в структурном, так в семантическом плане системы послелогов, детальный сопоставительный анализ которых пока еще никем не осуществлен.

Из других категориальных признаков имени и глагола первоочередной интерес в масштабе ареала представляют такие явления, как а) реорганизация системы именных классов в рамках категорий рода, одушевленности и персональности (личности); б) категория определенности/неопределенности и способы ее выражения; в) построение классификационной системы местоимений (в частности, наличие или отсутствие инклюзивных местоимений и группировка указательных местоимений по признаку близости/отдаленности); г) категория "субординации" (способ выражения градаций вежливости в имени, местоимении и глаголе); д) соотношение личных (финитных) и нефинитных форм глагола и др.

Даже в тех случаях, когда подобный признак не охватывает всего ареала, что наблюдается достаточно часто, проявление его хотя бы в отдельных языках каждой из основных генетических групп или их большинства несомненно свидетельствует о конвергентных тенденциях. Следует отметить также, что некоторые черты категориальной организации лексики выражаются не только через морфологию, но и через синтаксис. В частности, противопоставление классов персональных и неперсональных имен проявляется не только в особенностях их парадигм (отдельные дравидийские языки), но и в способе оформления имени в позиции прямого дополнения (индоарийские языки) [24, с. 106—115; 27, с. 55—63].

Один из любопытных примеров глубинных межъязыковых соответствий подобного рода, на первый взгляд вроде бы в глаза не бросающихся, дает реализация в языках ареала отношений посессивности⁹.

Как известно, глаголы со значением «иметь», «обладать» в языках Южной Азии либо отсутствуют, либо употребляются крайне редко. Столь же мало характерны для этих языков местоименные показатели притяжательности — таковые, наряду с другими способами выражения посессивности, встречаются лишь в отдельных языках и языковых группах, выступая в виде энклитик (синдхи, зап. панджаби, ассамский; пашто, белуджский; брахуи; языки мунда) или проклитик (бурушаски). Наиболее общей для Южноазиатского ареала формой выражения посессивности является, очевидно, координация субъекта обладания («посессора» — Ps) и объекта обладания («релятора» — R) в рамках двух типов синтаксических конструкций — именной (ИПК) и глагольной (ГПК). Ареальное единообразие проявляется при этом как в структуре обеих конструкций, так и в наборе синтаксических и морфологических средств, характеризующих отношения (г) между двумя главными составляющими.

Именная посессивная конструкция строится здесь, как и во многих других языках мира, по общей для ареала модели атрибутивной синтагмы: определение + определяемое¹⁰. Позиция определения замещается именем или местоимением, как правило, маркированным формантом косвенного падежа (иногда в сочетании с генитивным послелогом II яруса — см. выше), также прилагательным (в тех языках, где данный морфологический подкласс четко противопоставлен другим подклассам имени) и функционально смыкающимися

⁹Формы реализации посессивности ввиду высокой универсальности самого этого отношения могут служить одним из существенных признаков выделения ареальной общности (ср. идеи А.Ф. Лосева [38] о типологической важности посессивности в общем плане развития языка и мышления).

¹⁰В языках ареала, как это будет отчасти показано ниже, наблюдается по-видимому общая тенденция к унификации (причем не только формальной) именной посессивной и стандартной атрибутивной конструкций в рамках одной модели типа "хозяин : слуга" (ср. [39]).

с ним словами. С точки зрения глубинного синтаксиса, внутри ИПК различаются два подтипа — эндоцентрический (ИПК-I: Ps r R) и экзоцентрический (ИПК-II: R r Ps), где наименование посессора занимает, соответственно, позицию определения (х. *bār kā ghar* «дом отца», телугу *nā kuṭumbam* «моя семья») или определяемого слова (х. *lakṛī ke makān* «деревянные дома», ср. также х. *ghar kā mālik* или сант. *ḍr-ak'-ren kisār* «хозяин дома» и т.п.).

К числу ареальных характеристик ИПК языков Южной Азии следует отнести прежде всего наличие особого типа показателей связи (r) в экзоцентрическом варианте конструкции — так называемых атрибутивных квалификаторов (Qual), т.е. аффиксов или служебных слов, указывающих на то, что предшествующее слово (словосочетание) относится к последующему, как R к Ps. В функции таких квалификаторов могут выступать прежде всего некоторые, весьма немногочисленные и малопродуктивные, деривационные суффиксы прилагательных со значением «имеющий что-л., обладающий чем-л.», например, х. *-oṛā*, *-aurā*, *-ilā*, *-el*, ассам. *-ulā* и т.п. Гораздо более широко представлен в различных языках ареала другой тип квалификаторов — служебные слова, либо входящие в систему именных послелогов (как в языках мунда), либо близкие к послелогам по своим характеристикам, но отличающиеся от них некоторыми дистрибуционными признаками.

В дравидийских языках Южной Индии (тамилский, малаялам, каннада, кодагу, телугу, тулу) атрибутивную позицию в конструкциях типа ИПК-II могут занимать аналитические формы, маркированные квалификаторами, которые восходят к неличным формам глаголов-связок, например, там. *-āṇa*, *-ākiya*: *aṛak-āna* (*pirāṇi*) «красивое (существо)», ср. *aṛaku* «красота»; кан. *-āda*: *agala-v-āda* (*nadi*) «широкая (река)», ср. *agala-vu* «ширина»; тел. *-aina*: *nijam-aina* (*māṭa*) «верное (слово)», ср. *nijami* «истина, истинный» — все от **ā-(kV)* «быть; становиться» (аналогично: тулу *-itti* < **irV* «быть; находиться; пребывать»; там. *-ulla*, тулу *-uppi* < **ul-* «быть; существовать»; тел. *-gala* < **kala-(kV)* «существовать; появляться»; там. *-aṭṭa* < **al-* «не быть, не являться» и т.п.). Квалификаторы могут адъективировать не только отдельные слова со значением качества или признака, но и целые именные фразы, центром которых оказывается имя в одном из конкретных косвенных падежей, например, там. *iṇṭiyā-v-il*-(Loc)-*ulla carkkār* «индийское правительство», *mēyvatārkk*-(Dat)-*āṇa nilam* «пастбищная земля» и т.д. Эту способность следует считать основным дистрибуционным признаком, отличающим их от других видов служебных слов и аффиксов. Такие квалификаторы не находят себе прямых аналогов ни в более северных дравидийских языках, ни в индоарийских. Тем более любопытно отметить факт существования подобных конструкций в таком отдаленном языке, как бурушаски, где «часто употребляются определения, выраженные причастными сочетаниями, построенными по типу бахуврихи» [25, с. 93—94], например: *iṇi burum manum hir* «человек, у которого борода побелела» (букв. «борода белой ставшая человек»).

С другой стороны, интерес в этой связи представляет формант хинди *-vālā* с его вариантами в диалектах и коррелятами в родственных языках (пандж. *-vālā*, синдхи *-vāro*, ср. также мар., гудж. *-ārā*). Обычно он описывается в нормативных грамматиках как деривационный суффикс отыменных прилагательных (х. *śāhrvālā* «городской»), либо как один из формантов словообразования существительных, дающих, в частности, наименования лиц по профессии (синдхи *buṅgālevāro* «привратник»), либо, наконец, как показатель «причастия общего времени» (пандж. *kamm karan-vāle mazdūr* «работающие рабочие», мар. *lihi-ṇ-ārā* «пишущий»). Анализ семантической структуры подобных образований позволяет практически во всех случаях вычленить как инвариант их значения указание на принадлежность того или иного признака (статического или динамического) некоему субъекту или, напротив, на сопричастность субъекта той или иной ситуации (ср. нередкие в разговорном хинди образования типа *nīlā- vālā* «синий», повторяющие обычные для телугу *suvarṇam-aina* «золотистый»). Это, а также

возможность адъективации целых именных и глагольных фраз (например, х. *nīlī ākhō-vālī laṛkī* «синеглазая девочка»), позволяет определить название форманты как функциональный аналог дравидийских атрибутивных квалификаторов. Подобно другим показателям посессивности в хинди и западных индоарийских языках (например, адъективирующим послелогам: х. *kā*, пандж. *dā*, синдхи *jo*, мар. *cā* и др.; формантам типа х. *lā* «похожий, подобный» и т.п.) они изменяются по парадигме прилагательного, согласуясь с определяемым именем в роде, числе и падеже.

В дардских языках в обоих вариантах ИПК позицию определения может замещать имя в родительном падеже (формант типа $*(V)s(V)$ — дамели, шумашти, пашаи, калаша), реже — в прямом (тирахи, шина) или общекошвенном (кховар). Во то же время в целом ряде языков, распространенных на южной окраине дардской географической зоны, включая и нуристанские, в эндоцентрическом варианте ИПК наименование посессора может быть выражено именем, маркированным особым, не совпадающим с аффиксом генитива и присоединяющимся к общекошвенному падежу формантом посессивности (кати *-stā*, вайгали *-bā*, *-bā*, башкарик *-an*, *-ā*, майян *-ā* и др.; о соотношении таких формантов посессивности и местоименных энклитик с различными семантическими группами имен см. [39]). В кашмири, где также представлены форманты этого типа (*-un* для имен собственных, *-uk* для имен нарицательных неодушевленных), наряду с ними широко употребляются (обычно с именами нарицательными одушевленными) послеложные образования *-hund*, *-sund*: *Narān-un* «принадлежащий Нараяну», *gar-uk* «домашний», *māl'-sund* [$< māl'-is$ (Gen) + *hund*] «отцовский, отца». Дардские форманты посессивности (в таких языках, как гавар, каньявали, тирахи, кашмири) подобно атрибутивным квалификаторам новых индоарийских языков согласуются с определяемым (главным образом в роде).

Специфические особенности выражения посессивности в мунда обусловлены общими типологическими характеристиками этих языков. Наряду с системой местоименных энклитик (сант. *hōrōn-iñ* «мой сын», *aru-m* «твой отец»; кода *beñā-t* «его сын») здесь они передаются теми же показателями (послелогам), которые являются обычными выразителями атрибутивной связи между компонентами словосочетания. В некоторых языках северо-восточной подгруппы (сантали, мундари) «атрибутивно-посессивные» форманты группируются по сочетаемости с наименованиями одушевленных и неодушевленных объектов: *re-n*, *-rēn* (одушевл.); *-[re]-ak'/-añ* (неодушевл.), — но этот принцип не выдерживается последовательно. В целом в мунда наиболее распространенными следует считать показатели, родственные санталскому и мундари *-ak'* (ср. кхариа *-[y]ag*, курку *-a*, сора *-ə* и т.п.). Большинство посессивных формантов мунда может употребляться как в эндоцентрическом варианте ИПК (например, сант. *ōr-ak'-ren kiśāṛ* «хозяин дома»), так и в экзоцентрическом (сант. *Pañḍu-ren hōrōn-kin* «оба сына Панду»). Исключение составляет формант *-ic'*, неизменно маркирующий посессора (сант. *inī-ic' hōrōn* «его сын»). Характерное для языков мунда отсутствие границ между грамматическими классами слов («частями речи»), а также между словами полнозначными и служебными в значительной степени предопределяет свободную сочетаемость посессивных аффиксов с корневыми морфемами разной семантики — «существительными», «прилагательными» или «глаголами».

Как уже было отмечено, индоарийские атрибутивные квалификаторы типа *-vālā* своей способностью изменяться по парадигме прилагательного структурно отличаются от соответствующих дравидийских, обладающих нулевой парадигмой (т.е. в принципе неизменяемых, как и вообще прилагательные в этих языках). Существенно, однако, что и в последних интересующие нас «квалификаторы» маркированы показателями причастий *-a*, *-i*, *-ni*, которые, как это уже неоднократно отмечалось в дравидийском языкознании, оказываются материально и функционально тождественными деривационным аффиксам так называемых «первичных прилагательных» [30, с. 286, 380—381; 37, с. 239—240, 384—385]. Иначе говоря,

несмотря на все парадигматические отклонения в дравидийских и индоарийских языках прослеживается одна и та же тенденция — к оформлению атрибутивной части ИПК по модели прилагательных, в виде своего рода «адъективной фразы». То, что тенденция эта носит общеареальный характер, подтверждают данные нуристанских языков (например, показатель *-sta* выполняет посессивные функции в кати, но выступает как деривационный формант прилагательных в ашкун и вайгали). В языках мунда формант *[-a/n]*, маркирующий, как правило, «прилагательные» (сант. *ɬaŋe-an* «сильный», мунд. *bugi-n* «хороший»), может в то же время образовывать посессивные определения (сант. *herel-an* «имеющая мужа») или входить в состав сложных формантов посессивности (бирхор *iŋ-rī-n-īc'* «мой»).

Структура ИПК в языках Южной Азии может, таким образом, быть представлена в виде формулы:

$$\frac{N(NPh) // V(VPh)}{Ps // R} + \frac{[(Obl = Gen) + (Qual) + (M_{adj})]}{r} + \frac{N}{R // Ps}$$

(где NPh и VPh означают, соответственно, именной или глагольный оборот, а M_{adj} — показатель адъективности). Или, в упрощенном виде:

$$\frac{AdjPh}{Ps // R(r)} + \frac{N}{R // Ps}$$

За отсутствием места мы не можем здесь столь же подробно рассмотреть такой важный категориальный признак посессивности, как «субстантивная трансформация», т.е. преобразование посессивного словосочетания в единый лексикоморфологический комплекс — «притяжательное имя» со значением «владеющий чем-л.» или «принадлежащий кому-л./чему-л.». Наиболее четкое формальное выражение она находит в дравидийских языках, где притяжательные имена образуются с помощью показателей рода и числа, восходящих к местоимениям третьего лица. В новых индоарийских языках, где согласование определений с определяемым наблюдается почти повсеместно за исключением восточной группы, субстантивная трансформация посессивных определений с квалификаторами типа *-vālā* и им подобных осуществляется практически путем конверсии. Аналогичным образом, по-видимому, обстоит дело и в дардских языках. В языках мунда с присущей им неопределенностью формальных границ между классами слов трансформация осуществляется едва ли не чисто синтаксическим путем — через эллипсис второго компонента ИПК. Механизм ареального взаимодействия между различными группами языков проявляется в создании локальных смешанных моделей. Так, в брахуи, развивавшемся на протяжении тысячелетий в гетерогенном окружении, адъективные, генитивные и другие характерные для дравидийских языков типы притяжательных имен образуются без присоединения местоименных показателей — примерно так же, как в индоарийских и дардских. Однако в образовании косвенных падежей эти имена следуют местоименному склонению — в полном соответствии с дравидийской моделью.

Глагольная посессивная конструкция на всей территории Южно-азиатского ареала (за исключением районов, занятых некоторыми сино-тибетскими языками и бурушаски) также строится по единой модели, общие структурные черты которой сводятся к следующему: 1) в функции сказуемого ГПК употребляется глагол-связка «быть», «находиться», «иметь место»; 2) субъект обладания оформляется одним из косвенных падежей; 3) объект обладания оформляется прямым падежом (номинативом); в языках, допускающих согласование, с ним согласуется сказуемое; 4) с точки зрения стандартного для языков Южной Азии порядка слов (SOV) посессор неизменно занимает позицию грамматического субъекта, в то время как релятор находится в объектной позиции.

Предварительный анализ показывает, что оформление посессора в ГПК различается в зависимости от того, идет ли речь, скажем, о частях тела, ближайших родственниках и каких-либо духовных качествах субъекта, т.е. объектах неотчуждаемых, или же, напротив, о свободно отчуждаемых объектах. Иначе говоря, есть основания полагать, что во многих языках ареала в той или иной форме противопоставляются друг другу два типа посессивных отношений — отчуждаемой и неотчуждаемой принадлежности. Наличие двух вариантов ГПК отмечается во всех новых индоарийских языках, по крайней мере некоторых дардских, а также в подавляющем большинстве дравидийских.

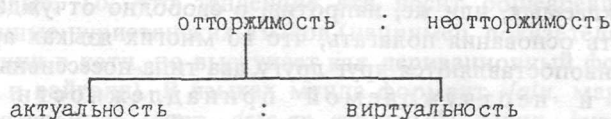
В конструкции неотчуждаемой принадлежности в индоарийских языках посессор выражается чаще всего формой родительного падежа или общекосновенного падежа с адъективирующим послелогом (пандж. *ādmī de do kann han* «У человека два уха»). В некоторых случаях в конструкции этого типа субъект обладания может быть оформлен также дательным (направительно-объектным) падежом (мар. *mahārājā dhṛtarāṣṭrā-s śambhar mūlē hoī* «У царя Дхритараштры было сто сыновей»), однако в большинстве индоарийских языков форма эта употребляется тогда, когда речь идет об обладании непредметным объектом, например, каким-либо качеством или признаком (пандж. *ḍāktar nū āpne āp vic viśuvās hai* «У доктора есть уверенность в себе»; в этом варианте ГПК сближается с аффективной конструкцией). В дравидийских языках, напротив, форма дательного падежа служит наиболее распространенным способом оформления посессора в дакном варианте ГПК (там. *aṭiyeṇ avarukku nēr-t-tampī alla* «Я, ничтожный, не являюсь ему родным братом»), хотя маркирование посессора общекосновенным падежом также имеет место (колами *okkon anden ba'la paṭlaknet* «Был [всего] один сын [у] старосты»).

В конструкции отчуждаемой принадлежности и в индоарийских, и в дравидийских языках посессор маркируется послелогом локативной семантики («у», «при», «около»), как правило, генетически связанным с местоименным наречием «там» или именем со значением «место», «сторона», «близость» (х. *[ke] pās, [ke] hā*, пандж. *[de] kol*, синдхи *vaṭa*, бенг. *kāche*, там. *-iṭam*, тода *-kiḍs*, кан. *-hattira*, тулу *kaitaḷu*, тел. *-daggaṛa*, парджи *-kan*, гонди *-agga* и т.п.). В дардских языках посессор в ГПК оформляется обычно общекосновенным падежом, иногда осложненным формантом посессивности (тирахи *myā-na malā brok mazdurāno wānla* «[У] моего отца было много слуг»). Некоторые данные указывают, однако, на то, что в нуристанских языках в качестве формантов посессора используются и аффиксы локативной (или локативно-направительной) семантики (вайгали *kiti rupāi tū-kā ḍrā?* «Сколько у тебя денег?»).

Противопоставление по отторжимости: неотторжимости, похоже, совершенно отсутствует в посессивных конструкциях мунда, где в большинстве случаев субъект обладания оформляется группой генитивных послелогов (типа *-ak', -ren, -ic'*) или выражен функционально равнозначными им местоименными энклитиками. Тем не менее попытки как-то его отразить можно усмотреть, с одной стороны, в сантальском, где встречаются случаи оформления посессора отчуждаемой принадлежности локативным послелогом *-re*, а с другой, в мундари и корку, где субъект неотчуждаемой принадлежности маркируется формантом дательного падежа.

Отношения посессивности в языках Южной Азии (в том числе оппозиция отторжимости: неотторжимости в рамках ГПК) несомненно требуют дальнейшего детального изучения. Особого внимания заслуживают случаи интерференции двух вариантов ГПК (например, в разговорном хинди встречаем: *faulād kā dil... kitnī larkiyō ke pās hai?* «У многих ли девушек найдется стальное сердце?»). В ряде дравидийских языков маркировка посессора послелогом локативной семантики указывает на актуальное обладание отчуждаемым предметом — на то, что этот предмет находится во владении субъекта в данный конкретный момент (там. *eṇ-n-iṭam rapam uṇṇi* «У меня при себе есть деньги»), тогда как обладание таким предметом в виртуальном плане выражается так же, как и неотторжимая

принадлежность (там. *engku mēcai illai* «У меня нет стола»). На наш взгляд, это вовсе не ставит под сомнение существование рассматриваемой оппозиции, а лишь указывает на ее градуальный характер:

Вышеприведенная характеристика некоторых парадигматических и категориальных особенностей языков Индийского субконтинента призвана иллюстрировать общие принципы ареальных исследований, сформулированные в начале статьи. При всей неполноте и фрагментарности этой характеристики, она, во-первых, в какой-то мере дополняет то, что было известно об ареальных схождениях языков Южной Азии, и, во-вторых, — в развитие концепций Ф.Б.И. Кейпера и М.Б. Эмено, — указывает на ту совокупность языковых единиц, которая представляется относительно легко поддающейся исследовательскому поиску и наиболее перспективной в плане ожидаемых результатов. Мы имеем в виду набор формальных средств, играющих ведущую роль в именном и глагольном словоизменении всех (или почти всех) языков ареала, — послелоги и форманты аналитической деривации, вспомогательные глаголы, частицы и пр., которые в функциональном плане относятся к морфологии («аналитическая морфология»), а по степени семантической однозначности и дистрибутивной свободы — к синтаксису («малый синтаксис»). Именно в этой группе языковых единиц, занимающих промежуточное положение между собственно морфемой и словом, янее всего проявляется семантическая связь между генетически разнородными и материально несходными формантами. Именно на этом материале можно лучше всего проследить глубинную общность речемыслительных процессов под поверхностью различным выражением¹¹. Исследование категориальных признаков, опирающееся на анализ элементов «малого синтаксиса», может помимо всего прочего значительно улучшить перспективы типологической классификации языков Южной Азии. Это немаловажно, поскольку попытки классификации этих языков под углом зрения континентальной типологии выявляют парадоксальный, на первый взгляд, факт: при всей явной структурной близости языки ареала не только не укладываются в единый тип, но, напротив, по словам Б.А. Захарьина, «демонстрируют значительное континентально-типологическое разнообразие» [22, с. 173]. Причины этого, на наш взгляд, следует искать не только в сложном характере исторического развития ареала, но и, — в какой-то мере, — в узости исследовательской базы, основанной на анализе субъектно-объектных отношений.

Рассмотренные данные в совокупности с материалом наших предшественников позволяют сделать некоторые предварительные заключения по поводу структуры рассматриваемого ареала. Она выглядит не такой простой и одномерной, какой представлялась исследователям в начале века, когда основные линии членения соотносились с границами генетических групп. Исследования последнего времени показывают, что существуют иные линии членения, в частности, меридионально направленные. Впервые на существование таких изоглосс указал в 1974 г. Ф. Саусворс [40]. Составленные им карты свидетельствуют о том, что на территории субконтинента выделяются по крайней мере три субареальные зоны: западная, средняя (промежуточная) и восточная. Границы зон по отдельным

¹¹ Одним из наиболее перспективных для ареального исследования разделов «малого синтаксиса» служат, помимо явлений, отмеченных выше, так называемые «сложные глаголы», включая сюда всю совокупность аналитических операторов («векторов»), характеризующих глагол с точки зрения вида, залога, способа действия и т.д.

изоглоссам могут не совпадать, но общая зональная структура остается при этом неизменной. Во всех случаях «крайние» зоны — восточная и западная — образуют как бы два полюса, характеризуюсь либо наличием, либо отсутствием картографируемого признака; в промежуточной зоне признак сохраняется, но проявлен слабее — в реликтовой форме.

Правомерность предложенного Ф. Саусворсом зонального членения подтверждается тем, что в дополнение к гриводимым им изоглоссам можно найти ряд других, обладающих аналогичной конфигурацией. Например, изоглосса, иллюстрирующая категориальные признаки грамматического рода, показывает, что двучленная система (мужской : женский или одушевленный : неодушевленный) существует в основном в средней зоне, охватывая большинство индоарийских языков, а из дравидийских — телугу и центральноиндийские (за исключением пенго), в то время как трехчленная система (мужской : женский : средний) проявляется на западе и юго-западе (маратхи, гуджарати, тамильский, каннада, тулу); в восточных языках категория рода отсутствует. В ярусной структуре именного склонения и в основных характеристиках посессивности можно усмотреть ту же тенденцию: проявляясь наиболее четко на западе и северо-западе ареала, эти признаки постепенно утрачивают формальную четкость выражения по мере продвижения на восток и северо-восток. В ряде случаев на эту биполярную структуру накладывается структура иного типа — «центр:периферия», поскольку набор признаков, характерных для восточной зоны, проявляется иногда — в виде отдельных анклавов — и на крайнем западе ареала (ср., например, отсутствие категории рода в брахуи, малаялам, тогда)¹². Ни одна из субареальных зон не совпадает — даже в исторической ретроспективе — с территорией расселения какой-либо из языковых семей или групп, представленных в Южной Азии в настоящее время. Судя по всему, мы имеем здесь дело с исключительно древними структурными образованиями, возникшими, возможно, еще до миграции на территорию Индостана не только ариев, но также дравидов и мунда.

Тем больший интерес представляют аналогии трехчленной структуры ареала в «исторической» (квазиисторической) традиции древней Индии — в текстах «Махабхараты», «Рамаяны» и пуран. Противопоставление «Восточных царств» (Анга, Ванга, Пундра и др.) государствам «Срединной области» (Мадхьядеша) и царствам Северо-Запада (Синдху, Саувира, Мадра и др.) красной нитью проходит через всю древнеиндийскую эпическую литературу [ср. отраженное в некоторых из последних работ Я.В. Василькова характерное для «Махабхараты» (VII. 93; VIII. 40, 44; XII. 307) отчужденное отношение к царствам Пенджаба как «варварским»; распределение сил в битве на Курукшетре; особые связи царства Айодхьи (Рам. I. 13, 21—29) не с соседними областями Мадхьядеша, а с государствами Востока, Северо-Запада и Юга и т.д.]. Для нас здесь особо интересны варианты мифов, связанных с исходным моментом традиционной истории — происхождением царских династий, которые в эпосе и пуранах возводятся к трем сыновьям Ману: Иле, Икшваку и Судьюмне [41, с. 286—288, 293—294, 299]. За каждым из «прародителей» (и его потомками) закрепляется определенная географическая область. При этом потомки Илы (Айла — «Лунная династия») стабильно связываются с Западом и Северо-Западом [самого Илу традиция называет царем Bālhi, Bālhika — области в Пенджабе (Рам. VII. 83.3, 7; 90.18); в том же регионе находятся владения его потомков — Ядавов, Анавов и др.]; потомки Икшваку («Солнечная династия») владеют областями долины Ганга (Айодхья, Видеха, Вайшали), а также территорией Декана; владения Судьюмны располагаются в Бихаре, Ориссе и Бенгалии. Таким образом, культурная, геополитическая (и, возможно, языковая) самобытность трех зон,

¹² «Концентрическая» структура индоарийской зоны была прокламирована столетие назад А.Ф.Р. Хёрнле и Дж.А. Гриссоном и объяснялась ими как результат последовательных арийских миграций на территорию Индии [33, т. I, ч. I, с. 115 сл.].

разрезающих территорию субконтинента по вертикали, оказывается не только близкой этническому сознанию древних индийцев, но и представляется чем-то изначальным, хронологически предшествующим истокам исторического процесса. Если учесть, что, согласно пуранам, «Владыка Востока» Судьюмна — не что иное, как травестированная форма «Повелителя Запада» Илы [41, с. 253—254], то нужно признать, что древнеиндийский миф дает нам оба варианта структурной модели, подсказанной конфигурацией ареальных изоглосс, — как «биполярный», так и «концентрический».

Характерно, что данные археологических раскопок — начиная, по крайней мере, с неолитических времен (VI—V тыс. до н.э.) — также указывают на существование трех географических зон, характеризующихся различными культурными традициями [42]. Традиция Северо-Запада и Запада (Мехргарх, Киле-Гуль-Мухаммед, Кот-Диджи и др.), явившаяся основой для возникновения Хараппской цивилизации, четко противостоит неолитической и энеолитической культуре Виндхья-Гангской зоны (Колдихва, Махагара, Чхопани-Мандо — VI—II тыс. до н.э.), которая в свою очередь целым рядом признаков отличается от синхронных памятников, обнаруженных на территории Бихара, Бенгалии и Ассама (Чиранд, Панду-Раджар-дхиби, Даоджали-Хаддинг и др.). При этом культура серой расписной керамики (XII—VI вв. до н.э.), отождествляемая большинством исследователей с поздневедийским этапом индоарийской культуры, развивается в основном на территории средней зоны.

Этот пример, которым мы хотели бы завершить нашу статью, — еще одно свидетельство генетической и концептуальной связи понятия лингвистического ареала с общекультурным процессом. Лишь строгое соотнесение данных лингвистики с данными истории, этнографии и культуры поможет ареальному языкознанию определить взаимоотношение составляющих ареал языковых групп и ответить на те традиционные вопросы, которыми непременно задается всякий исследователь: что? когда? куда? откуда?

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Общее языкознание. Методы лингвистических исследований. М., 1971.
2. Новое в лингвистике. Вып. V. М., 1970.
3. *Emeneau M.B.* India as a linguistic area // *Lg.* 1956. 32.
4. *Emeneau M.B.* The Indian linguistic area revisited // *IJDL.* 1974. 3.
5. *Masica C.P.* Defining a linguistic area: South Asia. Chicago; London, 1976.
6. *Бородина М.А.* Развитие ареальных исследований и основные типы ареалов // Взаимодействие лингвистических ареалов. Л., 1980. С. 78.
7. *Эдельман Д.И.* Основные вопросы лингвистической географии. М., 1963. С. 3.
8. *Greenberg J.H.* Essays in linguistics. Chicago, 1967. P. 66.
9. *Якобсон Р.О.* К характеристике евразийского языкового союза // *Jakobson R. Selected writings. I: Phonological studies.* s. Gravenhage, 1962.
10. *Эдельман Д.И.* К теории языкового союза // *ВЯ.* 1978. № 3.
11. *Actes du 1-er Congrès internationale de linguistes à la Haye (1928).* Leiden, 1930. P. 18.
12. *Десницкая А.В.* О современной теории балканистических исследований. К изучению грамматических соответствий языков Балканского ареала // Проблемы синтаксиса языков Балканского ареала. Л., 1979.
13. *Kuiper F.B.J.* The genesis of a linguistic area // *IJDL.* 1974. 3.
14. *Vermeer H.J.* Untersuchungen zum Bau zentral-süd-asiatischer Sprachen (Ein Beitrag zur Sprachbundfrage). Heidelberg, 1969.
15. *Вайнрайх У.* Языковые контакты. Киев, 1979.
16. *Haugen E.* Language contacts // Reports for the Eighth International congress of linguists. Oslo, 1958.
17. *Розенцвейг В.Ю.* Языковые контакты. Л., 1972.
18. *Juhász J.* Probleme der Interferenz. Bp., 1970. S. 30.
19. *Krahe H.* Germanische Sprachwissenschaft. I: Einleitung und Lautlehre. B., 1960. S. 13.
20. South Asian languages. Structure, convergence and diglossia / Ed. by Krishnamurti Bh. Delhi, 1986.
21. Current trends in linguistics. V. 5: Linguistics in South Asia / Ed. by Sebeok Th.A. The Hague, 1969.
22. *Захарын Б.А.* Типология языков Южной Азии. М., 1987.
23. *Зограф Г.А.* Языки Южной Азии (опыт ареально-типологической характеристики) // Истоки формирования современного населения Южной Азии. М., 1990.

24. Гуров Н.В. Кусунда-сино-кавказские лексические параллели. К характеристике начального этапа формирования Южноазиатского ареала // Лингвистическая реконструкция и археология. Ч. 3. М., 1989.
25. Климов Г.А., Эдельман Д.И. Язык бурушаски. М., 1970.
26. Bloch J. Indo-Aryan from Vedas to modern times. P., 1965.
27. Зограф Г.А. Морфологический строй новых индоарийских языков (опыт структурно-типологического анализа). М., 1976.
28. Masica C.P. The Indo-Aryan languages. Cambridge, 1991.
29. Edelman D.I. The Dardic and Nuristani languages. М., 1983.
30. Андронов М.С. Сравнительная грамматика дравидийских языков. М., 1978.
31. Pinnow H.-J. A comparative study of the verb in the Munda languages // Studies in comparative Austroasiatic linguistics / Ed. by Zide N. The Hague, 1966.
32. Pinnow H.-J. Versuch einer historischen Lautlehre der Kharia-Sprache. Wiesbaden, 1959.
33. Linguistic survey of India / Ed. by Grierson G.A. V. I—XI. Calcutta, 1903—1928.
34. Burrow T. Collected papers on Dravidian linguistics. Annamalai-nagar, 1968.
35. Chatterji S.K. Indo-Aryan and Hindi. Calcutta, 1960.
36. Ramanujan A.K., Masica C. Toward a phonological typology of the Indian linguistic area // Current trends in linguistics. V. 5. The Hague, 1969.
37. Shanmugam S.V. Dravidian nouns (a comparative study). Annamalai-nagar, 1972.
38. Лосев А.Ф. Знак, символ, миф. Труды по языкознанию. М., 1982. С. 290—299.
39. Иванов Вяч. Вс. К типологии морфологического выражения посессивности // Типология и грамматика. М., 1990. С. 29—35.
40. Southworth F.C. Linguistic stratigraphy of North India // IJDL. 1974. 3
41. Pargitter F.E. Ancient Indian historical tradition. L., 1922.
42. Thapar B.K. Recent archaeological discoveries in India. Tokyo, 1985.